

Хронополитики в цифровую эпоху¹

С. В. Тихонова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия;
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия*

Статья посвящена множественности хронополитик цифровой темпоральности. Опираясь на акторно-сетевую теорию Б. Латура, автор показывает множественность сетевых хронополитик, включающих управление временем с помощью цифровых гаджетов. Выбранная методологическая перспектива позволяет учитывать реальные практики применения цифровых технологий для конструирования социального времени в контексте динамических границ диапазона цифровых устройств. В фокусе исследовательского внимания находятся отношения пересечения, наложения и конфликта регистров «часового» и цифрового времен, формирующиеся на основе классических современных форм рабочего и досугового времени. Автор модифицирует логику исследования темпоральности цифрового капитализма Дж. Вайсман, обозначая вектор развития цифровой темпоральности после тотального пандемического карантина, беспрецедентно расширившего цифровизацию повседневности.

Ключевые слова: социальное время; цифровая темпоральность, хронополитика; цифровое время; регистры времени.

Введение. Хронополитика¹ Модерна, анализирувавшаяся в трудах М. Фуко и Дж. Агамбена, представляла собой практику по синхронизации движения тел в институциональных дисциплинарных пространствах. Ее формирование было сопряжено с индустриализацией и развитием капиталистического производства. Конфликтность и противоречивость этого процесса, связанная с борьбой против рабочего движения и эксплуататорскими техниками манипуляции с графиками работы, была показана Э. Томпсоном, согласно которому, например, рабочим запрещалось иметь личные часы, поскольку заводские часы часто переводились вперед-назад утром и вечером, чтобы удлинить период работы [7]. Однако довольно быстро драматичность насаждения индустриального времени хронополитикой Модерна забылась. Индустриальное время было опривычено и интернализировано как универсальная схема, основанная на дуализме отчужденного «времени хозяина» и «своего времени», рабочего времени и времени досуга. Поздние теоретики постиндустриальной темпоральности показывали как обязательную (пусть и нередко имплицитную) включенность категории времени в экономический анализ [4, с. 201—202], так и разнородность времени хро-

нополитики Модерна, сбор и возникновение «часового» времени, калькулирующего ритмы времени при помощи часов во множественности контекстов [3]. «Часовое» время — социальный конструкт, колонизировавший, подчинивший и сжавший природно-биологические ритмы в линейной для его пользователей системе.

Переход социального развития к цифровой фазе вызвал к жизни цифровую темпоральность, основанную на интернет-технологиях и гаджетах. Для нее характерно существование множественности хронобиополитик, каждая из которых производится сетью актантов, включающей людей и разнообразных нечеловеков. Сетевые биополитики формулируют собственные моральные императивы, позволяющие модифицировать и/или замещать общее «часовое» время, с помощью собственных ритмов, измеряемых цифровыми гаджетами. В рамках данной статьи я рассмотрю формирование цифровой темпоральности как результат появления цифровых, хронополитик.

Методы и материалы. Методологической основой статьи является акторно-сетевая теория Б. Латура, в которой сети актантов обеспечивают фабрику пространства и времени, а от характера нечеловеческих актантов зависит, будет ли это время медленным или быстрым [6].

Результаты. Теоретики сетевого постиндустриализма четко обозначили обостренную коммуникационной революцией и глобализацией проблему скорости социальных трансформаций,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики», № 20-011-00297.

связанную со сжатием пространства и времени. Новая темпоральность, основанная на разделении пространства и времени и их последующем воссоединении в сетях, отмечалась целым рядом авторов, среди которых наиболее были влиятельными концепции Э. Гидденса [2] и М. Кастельса [3]. Конкретизация этих идей была осуществлена Дж. Вайсман, в 2015 году опубликовавшей работу «Pressed for time: the acceleration of life in digital capitalism» [1].

Вайсман работает в парадигме STS, прямо связывая свою методологию с акторно-сетевой теорией Латура. Латурнианский тезис об агентности нечеловеков, их способности влиять на людей она дополняет предположением о том, что люди не только проектируют нечеловеков, но и стихийно и случайно влияют на включение их в сети. Свой подход к технике она формулирует следующим образом: «Линейная модель технических инноваций и распространения техники, согласно которой инновациями занимаются исключительно специалисты — инженеры и ученые, давно подверглась пересмотру. Процесс разработки продолжается и после того, как артефакт выходит из стен исследовательской лаборатории и конструкторского бюро. Пользователей уже не считают пассивными потребителями техники <...> Пользователи-инноваторы способны радикально изменять смысл, заложенный в технику, и пути ее внедрения. При всей важности технических характеристик механизмов их жизнеспособность в конечном счете зависит от тех локальных и по своей природе случайных смыслов, которые люди вкладывают в них на практике» [1, с. 62]. В итоге Вайсман удается преодолеть линейные схемы традиционного технологического детерминизма и связать новые практики потребления и управления времени с новыми цифровыми технологиями. Технонаука не означает обреченности человека на конкретную логику трансформации, вопросы о том, какую технику и как именно использовать, всегда остается открытыми, предполагая возможность пересмотра. При этом конструкция и сущность технических устройств всегда детерминированы антропологически. Техника как продукт серии решений о производстве и применении не только несет на себе отпечатки социальных контекстов, она эти контексты связывает.

Итак, цифровая техника активно включена в практики коллективного конструирования социального времени, в том числе и его функциональных характеристик, калибруемых хронополитиками. Центральная для Вайсман тема — парадокс нехватки времени. Ее интересует ответ на следующий вопрос — почему высвобождение техникой

свободного времени приводит к тому, что свободного времени больше не становится, а дефицит времени превращается в социальный факт? Для ответа на этот вопрос и требуется наложить латурнианскую версию STS на интерсубъективные миры, в которых и осуществляется координация темпоральных практик.

Во-первых, для этого нужно установить, насколько реально распространено постулируемое в теории сетевого общества вневременное (М. Кастельс), мгновенное (Дж. Урри) время. Вайсман показывает, что связь с реальным физическим временем даже в практиках трейдинга никуда не исчезла, а технологии крайне редко используются универсальным способом [1, с. 40—42].

Во-вторых, Вайсман апеллирует к закону П. Вирилио (рост скорости повышает вероятность заторов), настаивая, что ускорение социальных практик всегда предполагает появление новых способов и форм их замедления [1, с. 46]. Из этого следует, что «быстрое» социальное время всегда предполагает «медленное» время. В целом в социальной системе внутреннее время всегда будет распределяться таким образом, что скорость и замедление будут в нем неизбежно локализованы, тотальное чистое ускорение времени невозможно. Если, например, ускоряется движение информации и времени, то замедляется движение индивидов, вынужденных сосредотачиваться на мониторах, отражающих первое движение. Интенсификация потоков всегда создает пробки и очереди, в которых время тянется как бесконечное.

В-третьих, пределом ускорения социального времени является биологическая природа человека, пороговые границы восприятия информации, далеко не всегда оставляющие зазор для маневра между причиной и следствия даже там, где он принципиально возможен.

Социальное время в концепции Вайсман множественно и связано с пересекающимися и накладывающимися сетями и потоками производящих его актантов. Оно включает почти бесконечное разнообразие часовых и цифровых времен, в которых тем не менее есть те, что претендуют на роль доминионов.

Экономическое развитие потребовало перехода на время по Гринвичу, наложив на мир единую временную шкалу, связывающую местное локальное время. Однако власть этого общего времени часто бывает иллюзорной. Всемирная одновременность Интернета всегда ограничена вращением планеты и несовпадением дня и ночи в часовых поясах. Цифровые технологии окончательно разделили транспорт и связь, перемещение вещей

и перемещение информации. Однако скорости этих перемещений принципиально не совпадают.

Ускорение времени означает рост числа интеракций и процессов, в которые включен индивид, поскольку техника открывает доступ к людям, услугам и социальным пространствам, одновременно меняя смысл и содержание связанных с нею операциональных задач, формируя новые компетенции и вызывая к жизни новые коды организации актантов в локальные сети. В основе ускорения/замедления времени всегда лежит нелинейность процессов распространения технологий. И эта же нелинейность предполагает, что новые регистры времени могут опираться как на подавление и отчуждение, так и на технократический гедонизм, связанный с удовольствием от использования машин.

Ключевая для Вайсман тема — парадокс нехватки времени — предполагает центрацию ее исследований на вопросе о темпоральном суверенитете субъекта. Иначе говоря, она отталкивается от вопроса о том, как возможно дискреционное время, время, которым индивид распоряжается по собственному усмотрению и которое он сам контролирует. Это позволяет ей не противопоставлять свободное и рабочее время как параллельные автономные миры, а искать интересубъективные площадки их пересечения, зоны «переливания» времени.

В своем анализе она показывает асимметрию распределения рабочего времени и досуга между разными социальными группами, особое внимание уделяя гендерной неравномерности. Растягивание до физического предела рабочего времени характерно офисных работников. Чистый досуг как незанятое время больше доступен мужчинам, слабо интегрированным в неоплачиваемое время организации семейной жизни и домашнего труда. При этом общество потребления диктует не только интенсификацию времени, но и установку на занятый, «активный» досуг, в периоды которого люди не предаются лени и творчеству, а занимают своим телом (фитнес, косметология, медицинское оздоровление) или потребляют культуру в публичных пространствах (кинотеатры, выставки, музеи, спортивные мероприятия). Изменение этических императивов родительства приводит к тому, что время, проводимое с детьми, никогда не оценивается как достаточное, а личные ресурсы, в них вкладываемые матерями и отцами, становятся принципиально неограниченными. На эти процессы накладывается культ многозадачности, часто абсолютно нерациональный. И в работе, и отдыхе люди стремятся делать как можно больше дел в один и тот же период времени, но разные

люди делают это по-разному, коль скоро они интегрированы в разную социальную среду. Более того, как отмечает Вайсман, «не исключено, что у некоторых из нас даже имеется больше времени, но это время неправильного типа или оно находится в нашем распоряжении не тогда, когда нам нужно» [1, с. 127].

Обсуждение. Задача Вайсман — критика абстрактного субъекта в темпоральных исследованиях как методологического конструкта, не позволяющего увидеть, что одни люди работают все больше, в то время как другие превращают досуг в социально сложное занятие. Она старательно маркирует практики потребления времени, характерные для статусных групп, чтобы, не отрицая их значимости для создания культурных трендов, увидеть разнообразие темпоральных практик, показать «жонглирование» временем с помощью цифровых технологий и конфликты разных темпоральных регистров.

Планирование времени становится задачей с постоянно возрастающей сложностью, поскольку распределение времени чаще зависит не от индивида, а от его контрагентов. Сами границы между темпоральными практиками постоянно размываются, цифровой порядок врывается в офлайн и наоборот; рабочее время пересеченных коммуникативных контактов и производственных задач переливается в перемежающийся досуг; при этом потребность быть в контакте с семьей (в первую очередь, с детьми) остается универсальной для регистров работы и досуга. Помехи, мешающие коммуникации, присутствуют в каждом временном регистре, и каждый раз их необходимо преодолевать. Дробление времени на короткие периоды усиливается, в итоге сами эти периоды в силу незначительности их объема становятся слабо пригодными для тех целей, которым их пытается подчинить индивид. Главным симптомом цифровой эпохи становится феномен постоянной подключенности. Уже электронная почта формирует практику быстрых ответов, асинхронность коммуникации постоянно снижается, требуя быстрой реакции, в итоге формируется «общая норма отзывчивости» [1, с. 162]. Мессенджеры предъявляют к своим пользователям еще более жесткие нормы. Коммуниканты опираются на эту норму, конструируя ожидания непрерывной доступности скорости отклика, не соответствие им влечет определенную стигматизацию, рассматривается как признак ненадежности и недобросовестности. Вариативность синхронности и асинхронности коммуникации становится многомерной, отвечая культу многозадачности. Незаконченные дела завершаются с помощью цифровых гаджетов

независимо от того, в какое время суток они достигают индивида.

Конфликт темпоральных регистров шире, чем противоречие между рабочим временем и временем досуга как потреблением/производством культуры. В анализе Вайсман есть основания для выделения в самостоятельную категорию семейного времени, для которого принципиальна длительность и интенсивность, отвечающие его эмоциональной и этической нагрузке. Как отмечалось, аргументация Вайсман строится на практиках высоко- и среднедоходных групп. Низкодоходные группы она использует как фон принципиально иного темпорального контекста, чтобы выявить инновационность применения цифровых технологий для контроля времени. Используемые ею данные существенно устарели после тотальной онлайн-экспансии пандемического карантина (Covid-19). Одной из самых болезненных цифровых тем карантина оказалось дистанционное обучение школьников, ломавшее структуры семейного времени, перекраивающего логику повседневности перегрузкой каналов. Оказалось, что инфраструктура бытовой цифровизации гораздо ниже, чем можно было предположить. Ее

сверхбыстрая подгонка под потребности чрезвычайных обстоятельств привела к небывалому расширению цифровой темпоральности. Цифровая эра стремительно покинула поле футурологии и стала реальностью сегодняшнего дня.

Заключение. Цифровая темпоральность представляет собой многомерную нелинейную систему пересечения и комбинирования различных временных регистров, заданных разными видами хронополитик. Ключевая роль в ее поддержании переходит к цифровым устройствам. Но цифровые гаджеты — не просто нейтральный медиум, в их структуру заложено потребление сопутствующего цифрового контента. Многие используют социальные сети как инструмент управления рабочими контактами, но погружение в социальные сети крайне сложно отделить от просмотра лент и свести к чистым контактам. Весьма вероятно, что в ближайшее время нас ждет новое усложнение цифровой темпоральности, в которой темпы труда и досуга будут непрерывно расти, а темпоральные горизонты сужаться. Разрыв контракта между трудом и временем дополнится разрывом контракта между временем и досугом. Остается надежда, что семья этого разрыва сможет избежать.

Список литературы

1. Вайсман, Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / Дж. Вайсман. — М. : Дело, 2019. — 304 с.
2. Гидденс, Э. Последствия Современности / Э. Гидденс. — М. : Праксис, 2011. — 352 с.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
4. Коновалов, И. А. Рождение времени для труда: рецепция работы Эдварда Томпсона о возникновении капиталистического темпорального сознания / И. А. Коновалов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2019. — Т. 22, № 1. — С. 193—224.
5. Glennie P. Reworking E. Thompson's "Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism" / P. Glennie, N. Thrift // *Time & Society*. — 1996. — № 5 (3). — P. 275—299.
6. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension / B. Latour // *Common Knowledge*. — 1997. — Vol. 6, № 3. — P. 170—191.
7. Thompson, E. P. Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism / E. P. Thompson // *Past & Present*. — 1967. — № 38 (Dec.). — P. 56—97.

Сведения об авторе

Тихонова Софья Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия; старший научный сотрудник НОЦ практической и прикладной философии, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия. segedasv@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 8 (454).
Philosophy Sciences. Iss. 61. Pp. 39—43.*

Chronopolitics in the digital age

S.V. Tikhonova

*Saratov State University, Saratov, Russia;
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. segedasv@yandex.ru*

The article deals with the multiplicity of chronopolitics of digital temporality. Based on the actor-network theory of B. Latour, the author shows the multiplicity of network chronopolitics, including time management using digital gadgets. The chosen methodological perspective allows her to take into account the real practices of using digital technologies for constructing social time in the context of the dynamic boundaries of the range of digital devices. The research focuses on the relations of intersection, overlap and conflict of the registers of “hourly” and digital times, which are formed on the basis of classical modern forms of working and leisure time. The author modifies the logic of the study of the temporality of digital capitalism by J. Wajcman, denoting the vector of development of digital temporality after the total pandemic quarantine, which has expanded the digitalization of everyday life in an unprecedented way.

Keywords: *social time, digital temporality, chronopolitics, digital time, time registers.*

References

1. Wajcman J. *Vremeni v obrez: Uskorenie zhizni pri cifrovom kapitalizme* [Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism]. Moscow, Delo, 2019. 304 p. (In Russ.).
2. Giddens A. *Posledstviya Sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow, Praxis, 2011. 352 p. (In Russ.).
3. Castells M. (2000) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Rise of the Network Society]. Moscow, SU HSE. 608 p. (In Russ.).
4. Konovalov I.A. Rozhdenie vremeni dlya truda: retsepsiya raboty Edvarda Tompsona o vznikenii kapitalisticheskogo temporal'nogo soznaniya [Birth of Time for Labor: Reception of Edward Thompson's Work on the Emergence of Capitalist Temporal Consciousness]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2019, vol. 22, no. 1, pp. 193—224. (In Russ.).
5. Glennie P., Thrift N. Reworking E. Thompson's “Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism”. *Time & Society*, 1996, no. 5 (3), pp. 275—299.
6. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism, and the fifth dimension. *Common Knowledge, Winter*, 1997, vol. 6, no. 3, pp. 170—191.
7. Thompson E.P. Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism. *Past & Present*, 1967, no. 38, pp. 56—97.